

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 262–266

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 262–266

<https://phpp.sgu.ru>

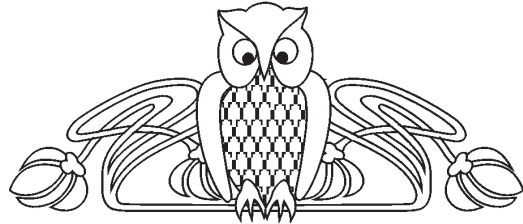
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-262-266>

Научная статья

УДК 111.3+165.5

Онтологическое начало фантазии

С. И. Мозжилин¹✉, И. В. Стеклова²

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

Мозжилин Сергей Иванович, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, mozhilinsi@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6078-3252>

Стеклова Ирина Владимировна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, социологии, психологии, irinasteklowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7164-2313>

Аннотация. Введение. В статье представлен онтологический аспект фантазии как формы научного познания. Развивается концепция о роли нормативных научно-познавательных структур и творческого познавательного потенциала, имеющего онтологические корни. Используются труды по истории и философии науки. В центре внимания авторов находятся факторы, которые являются имманентными науке и внеположенными по отношению к ней, способные не только влиять на научную деятельность, но и приводить к смене типов рациональности. Цель исследования – выявление онтологических начал феномена фантазии, обобщение современного образа науки.

Теоретический анализ. Онтологический подход позволяет сделать вывод о том, что разум и воображение соотносятся на разных этапах выработки знания в научно-познавательном процессе. Фантазия как форма воображения может быть использована в формировании научного факта, проблемы, гипотезы и теории. **Заключение.** Онтологическим субстанциальным началом фантазии являются слова – знаки-символы, заполняющие и оформляющие мыслительное пространство субъекта, побуждающие субъект к постоянному поиску неизвестного. Вместе с тем рассмотрение проблемы позволило выявить онтологические начала феномена фантазии и интерпретировать влияние на научную деятельность не только процесса символизации, этических норм, метафизических исследовательских программ, но и эмоциональных реакций субъекта.

Ключевые слова: воображение, фантазия, наука, научная рациональность, онтология, эйдетическое познание, творчество

Для цитирования: Мозжилин С. И., Стеклова И. В. Онтологическое начало фантазии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 262–266. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-262-266>
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The ontological beginning of fantasy

S. I. Mozhilin¹✉, I. V. Steklova²

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

Sergey I. Mozhilin, mozhilinsi@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6078-3252>

Irina V. Steklova, irinasteklowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7164-2313>

Abstract. Introduction. The article presents the ontological aspect of fantasy as a form of scientific knowledge. The concept of the role of normative scientific and cognitive structures and creative cognitive potential, which has ontological roots, in scientific knowledge is being developed. The study is conducted using works on the history and philosophy of science. The focus is on factors that are immanent to science and external to it, capable of not only influencing scientific activity, but also leading to a change in the types of rationality. **Theoretical analysis.** The ontological approach allows us to conclude that the mind and imagination are correlated at different stages of the development of knowledge in the scientific and cognitive process. Fantasy as a form of imagination can be used in the formation of a scientific fact, problem, hypothesis and theory. Techniques of fantasy can be considered such methods in scientific activity as analogy, typification, emphasis, eclecticism, which expand the scientific space and illustrate the features of post-non-classical scientific rationality, taking into account the worldview features of the mind. **Conclusion.** The ontological substantial beginning of fantasy is words, which are signs-symbols, filling and shaping the mental space of the subject, prompting the subject to a constant search for the unknown. At the same time consideration of the problem made it possible to identify the ontological beginnings of the fantasy phenomenon and to interpret the influence on scientific activity not only of the process of symbolization, ethical norms, metaphysical research programs, but also of the emotional reactions of the subject.

Keywords: imagination, fantasy, science, scientific rationality, ontology, eidetic cognition, creativity

For citation: Mozzhilin S. I., Steklova I. V. The ontological beginning of fantasy. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 262–266 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-262-266>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В свете активного исследования истоков человеческого сознания, предпринимаемого современными отечественными и зарубежными учеными с целью создания искусственного интеллекта, вопросы, сопряженные с проблемой природы и сущности человеческой фантазии имеют особую значимость. Они касаются не только психических механизмов, обуславливающих непрекращающийся процесс человеческого фантазирования, но и онтологического статуса фантазии, ее субстанциональной основы.

В конце XX столетия меняется отношение к пониманию роли субъекта в познании. В условиях формирования новой научной рациональности существенное значение стали придавать исследованию специфики субъекта и такой форме формирования научных знаний, как гипотеза. В такой ситуации исследование воображения и фантазии становится еще более актуальным и проводится с учетом накопленного мыслительного потенциала в рамках экзистенциализма, феноменологии, герменевтики. Э. Гуссерль, в частности, рассматривал принцип трансцендентализма как кардинальный поворот к субъективности, а разум определял как общее обозначение «вечных», «абсолютных», «надвременных», «безусловно значимых» идей и идеалов [1, с. 55]. На характер научной деятельности ученого влияет и система строгих правил нормативной регуляции, и мировоззренческих ориентиров. Поэтому регулятивные функции воображения и фантазии в научном познании имеют свою методологическую значимость. По мнению Н. А. Бердяева, творчество есть воображение высшего и лучшего, оно «бытийственно и потому вне гносеологического суда», «научная гносеология всегда имеет дело с вторичным, а творчество – всегда с первичным» [2, с. 352].

Традиционно в исследовательской литературе воображение, а следовательно, и фантазия определяются как процесс, как способность, как психологическая система. Цель данной работы состоит в исследовании онтологического статуса фантазии, понимаемой как отношение.

Теоретический анализ

Человеческая фантазия – одно из самых загадочных проявлений сознания. Существует множество определений понятия «фантазия», но в них всегда присутствует понятие «вообра-

жение». Конечно, понятия «фантазия» и «воображение» не тождественны, но они неразрывно связаны. Воображение, ко всему прочему, является способностью человека создавать образы объектов, которые в опыте воображающего ранее не воспроизводились, составляя одну из основ сознания и самосознания. Способность человека генерировать новые идеи вещей и ситуаций, не запечатленных в чувственном опыте, определяет его творческую активность, образно говоря, полет фантазии. Когда возникает ситуация, связанная с выбором, к тому же если в чувственном опыте не было ничего подобного, для принятия верного решения требуется свобода воли. Можно предположить, что именно в данном случае к деятельности разума присоединяются самые различные проявления интуиции, а также подключается фантазия. Однако такое представление будет не вполне корректным, поскольку человек фантазирует постоянно, если под фантазией мы понимаем свободный полет мысли. Другое дело, что из огромного количества фантазий в процессе созидательного творчества он выбирает те, которые могут обрести не только психическую, но и физическую реальность, выражаясь иными словами, материализовываться. Возникает вопрос: являются ли фантазии, как и вообще все, чем наполнено сознание, материальными изначально?

Тут же встает другой вопрос о связи материи, информации, энергии с фантазией. Данные проблемы направляют исследователей к поискам онтологического статуса фантазии. В последнее время появляется много научных статей, в которых они анализируются. Наиболее дискуссионными исследованиями в данной области являются работы Т. Суетина и С. Коняева [3, 4]. Т. Суетин полагает, что фантазия и объективная реальность равноправны. С. Коняев не соглашается с этим: «... Очевидно, что объективный мир существует независимо от отдельного человека» [4, с. 83]. Вместе с тем авторы солидарны в том, что человеческая фантазия во многом подобна процессам, происходящим как в микромире, так и в биологических системах. С. Коняев считает, что фантазия является выражением развитого мышления. Но не вполне понятно, что он понимает под развитым мышлением. Очевидно, автор имел в виду развитое сознание, поскольку оговаривается: «Если, конечно, это не банальное бытовое фантазерство» [4, с. 85].

Следует заметить, что грань между бытовым фантазерством и научной творческой фантазией весьма условна. К тому же, если мы сравниваем сознание с процессами, происходящими в объективном мире, то стоит заметить, что как в материальном мире нет пустого пространства, о чем свидетельствует открытие физиками микромира, так его нет и в сознании. Не вызывает сомнения, что субъект всегда мыслит, оформляя мысли словом, т. е. «всегда говорит внутри себя», молчать он не может. И там, где нет мысли, направленной на решение насущных проблем, всегда есть мысль о чем-то, поскольку просто бессмысленного словесного потока мысли не может быть. Вернее сказать, что если такой поток усилиями воли можно воспроизвести, то он создаст дополнительную психическую напряженность, и долго заниматься мы этим не будем. Человек может фантазировать без дополнительной напряженности, можно сказать, даже получая наслаждение. Вот эти мысли о чем-то, что может и не иметь вообще никакого практического применения, служат основой как фантазии, так и сознания как такового. Таким образом, фантазия выражает бессознательные процессы человеческой психики, которые происходят постоянно, независимо от нас.

Данные процессы не являются областью теоретического разума, но в подобном случае выступают в качестве его основания и естественного дополнения. Творческая деятельность не подчинена правилам и стандартам, протекает бессознательно, однако в результате часто возникают новые знания и виды рациональной деятельности. Установление механизма творчества привело к появлению различных схем развертывания креативного процесса. Выяснилось, что основные линии совпадают с принципами научной деятельности, выступающими в качестве критериев научности. К ним относят, как правило, принципы системности, логической обоснованности, фальсифицируемости, проблемности. По мнению Г. Гегеля, «принцип какого-нибудь философского учения тоже означает некое начало, но не столько субъективное, сколько объективное начало, начало всех вещей» [5, с. 49]. В основании принципов может находиться идея, которая выступает системообразующим фактором. Для обозначения единства чувственного и рационального познания стали использовать термин «эйдетическое познание», т. е. термин античной философии «эйдос» оказался наиболее удобным, а в переводе это означает как «вид», «образ». Творчество как раз можно рассматривать в рамках эйдетического познания.

Фантазия является разновидностью творческого воображения, это ситуация, представляемая человеком, которая не соответствует реальности, но при этом выражает его желания, т. е. это импровизация на какую-либо тему [6].

Я. Э. Голосовкер противопоставляет фантазию и воображение, отмечая, что с помощью воображения можно построить научные гипотезы, а с помощью фантазии это сделать невозможно, так как она тождественна заблуждению. С его точки зрения, «фантазии доступно все – любой калейдоскоп нелепостей», а познание требует законов [7, с. 10]. Однако, с точки зрения Л. С. Выготского, фантазия – это центральное выражение эмоциональной реакции, «все фантастические и нереальные наши переживания, в сущности, протекают на совершенно реальной эмоциональной основе» [8, с. 268]. Он считает, что человек с помощью фантазии предвосхищает свое будущее, а следовательно, и творчески приближается к его построению и осуществлению. Каждый субъект поэтому получает возможность переживать эмоциональное напряжение и с помощью фантазии компенсировать неудовлетворенные потребности. Л. С. Выготский отмечает, что самой простой формой связи воображения с действительностью является наличие прежнего опыта; другой формой связи реальности и фантазии служит связь между продуктом фантазии и каким-либо явлением действительности, т. е. это связь не между элементами действительности и фантастическим построением; следующей формой связи между воображением и реальностью выступает эмоциональная связь (единым образом при этом становятся совершенно эклектичные элементы).

Ф. Ю. Левинсон-Лессинг утверждал, что фантазия важна в научной деятельности, а именно в научном творчестве, что она предшествует зарождению теории [9]. В связи с этим можно сделать вывод о том, что фантазия служит условием творческой деятельности, которая выражается в представлении наглядной модели (образа) ее результатов, например, в тех случаях, когда недостаточно информации. Следовательно, фантазия выполняет определенные функции. Главная функция воображения, по мнению Э. В. Ильенкова, состоит в преобразовании так называемого «оптического явления на поверхности сетчатки в образ внешней вещи» [10, с. 61]. Заметим, что наряду с визуальными есть и акустические, и тактильные образы, к тому же в фантазиях они не возникают без онтологических оснований, и одними наглядными аналогами из прошлого опыта невозможно пояснить суть

фантазии, поскольку многие фантастические образы, как уже отмечалось, не имеют аналогов. Да, мышление с наглядно-образной репрезентацией предшествует абстрактному мышлению человека. Оно есть и у других высокоорганизованных животных. Но в абстрактном мышлении все образы оформлены словами, а слова являются не только знаками, указывающими на обозначаемый предмет, но и символами лиц, указывающими на сокрытый универсальный субъект-объект, незримо присутствующий в каждом обозначаемом именем предмете, с которым идентифицирует себя обозначающий, облачаясь в лицо. Интерпретируя этого неизвестного, человек порождает фантазии о предметах, которые вообще не только никогда не имели места в предыдущем чувственном опыте, но и вообще не доступны чувственному опыту, т. е. все, что принято называть метафизическим. Человек в поисках этого неизвестного властелина порождает различные образы, которые производятся по аналогии. Ведь абстрактное мышление, говоря языком диалектики, возникло не в результате уничтожения наглядно-образного мышления, а путем его отрицания, включения его в свою структуру.

Тем не менее приемами фантазии можно считать такие методы в научной деятельности, как аналогия – равенство отношений, подобие, сходство явлений, процессов, предметов, величин в каких-нибудь свойствах, в частности, с использованием процедуры сравнения. Модель аналогии – это образец или образ, это абстрактная, предметная или математическая система, отображающая принципы какой-либо организации или функционирования объекта исследования, изучение которого эмпирическими методами невозможно. Она выполняет разные функции для объяснения теории, гипотезы или других форм знания, которые в ходе исследования либо подтверждаются, либо опровергаются; типизация – это операция или процесс категоризации объектов, это способ создания образов воображения, который является очень сложным, так как один эпизод как бы вмещает в себя массу аналогичных событий; акцентирование – способ создания образов воображения, при котором выделяется какая-либо часть или деталь целого, становящаяся доминирующей, несущей основную нагрузку; эклектика – соединение, смешение разнородных образов, взглядов, стилей, идей.

Заключение

Онтологическим субстанциальным началом фантазии являются слова, представляющие со-

бой знаки-символы, заполняющие и оформляющие мыслительное пространство субъекта, побуждающие субъект к постоянному поиску неизвестного. Вместе с тем идея понимания фантазии как отношения выступает системообразующим фактором в онтологическом контексте рассмотрения проблемы особенностей эйдетического познания, объединяющего рациональное и чувственное познание. В современном научном познании сформировался гипотетико-дедуктивный идеал научности, поэтому гипотезы используются как составная часть гипотетико-дедуктивного метода и в качестве элементов научного разума. В связи с тем, что результат гипотетико-дедуктивного исследования и рассуждения носит вообразимый и вероятностный характер, фантазию можно считать формой познания.

Список литературы

1. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 136–176.
2. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М. : Правда, 1989. 608 с.
3. Суетин Т. Реальность фантазии // Философская антропология. 2017. Т. 3, № 1. С. 27–45. <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2017-3-1-27-45>
4. Коняев С. Онтологические аспекты человеческой фантазии // Философская антропология. 2018. Т. 4, № 1. С. 81–101. <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2018-4-1-81-101>
5. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. 5 : Наука логики. М. : Государственное издательство социально-экономической литературы, 1937. 814 с.
6. Стеклова И. В. Идея проблемности и эйдетическое сознание // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 410–413. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-410-413>
7. Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М. : Наука, 1987. 217 с.
8. Выготский Л. С. Психология искусства. Ростов н/Д : Феникс, 1998. 480 с.
9. Левинсон-Лессинг Ф. Ю. Роль фантазий в научном творчестве // Творчество. Петроград : Научное химико-техническое издательство, 1923. С. 36–57.
10. Ильенков Э. В. О воображении // Народное образование. 1968. № 3. С. 33–42.

References

1. Husserl E. The crisis of European sciences and transcendental phenomenology. *Voprosy Filosofii*, 1992, no. 7, pp. 136–176 (in Russian).
2. Berdyayev N. A. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [The Philosophy of Freedom. The Meaning of Creativ-

- ity]. Moscow, Pravda Publ., 1989. 608 p. (in Russian).
3. Suyetin T. The reality of fantasy. *Filosofskaya antropologiya* [Philosophical anthropology], 2017, vol. 3, no. 1, pp. 27–45 (in Russian). <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2017-3-1-27-45>
 4. Konyayev S. Ontological aspects of human imagination. *Filosofskaya antropologiya* [Philosophical Anthropology], 2018, vol. 4, no. 1, pp. 81–101 (in Russian). <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2018-4-1-81-101>
 5. Gegel G. V. F. *Sochineniya. T. 5: Nauka logiki* [Works. Vol. 5. The Science of Logic]. Moscow, Gosudarstvennoye izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury, 1937. 814 p.
 6. Steklova I. V. The idea of problematic and eidetic cognition. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 410–413 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-410-413>
 7. Golosovker Ya. E. *Logica mifa* [Logic of Myth]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 217 p. (in Russian).
 8. Vygotskiy L. S. *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of Art]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1998. 480 p. (in Russian).
 9. Levinson-Lessing F. Yu. The role of creativity in the professional activity of a person. In: *Tvorchestvo* [Creation]. Petrograd, Nauchnoye khimiko-tehnicheskoye izdatel'stvo, 1923, pp. 36–57 (in Russian).
 10. Ilyenkov E. V. About imagination. *Narodnoye obrazovaniye* [Public Education], 1968, no. 3, pp. 33–42 (in Russian).

Поступила в редакцию 12.06.2022; одобрена после рецензирования 20.06.2022; принята к публикации 22.06.2022
The article was submitted 12.06.2022; approved after reviewing 20.06.2022; accepted for publication 22.06.2022